

Д. Л. Мордовцев

О русских школьных книгах XVII века

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
М79

М79 **Мордовцев Д.Л.**
О русских школьных книгах XVII века / Д. Л. Мордовцев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 106 с.

ISBN 978-5-4241-9525-9

ISBN 978-5-4241-9525-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Изъ «Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Рос-
сійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1861 года.»

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва. 16-го Февраля, 1862 года.

Цензоръ Гиларовъ-Платоновъ.

РУССКИХЪ ШКОЛЬНЫХЪ КНИГАХЪ

XVII ВѢКА.

Въ послѣднее время въ Русской литературѣ появилось нѣсколько трактатовъ относительно обученія юношества въ до-Петровской Руси. Но такъ какъ почти до настоящей поры предметъ этотъ мало обращалъ на себя вниманіе нашихъ археологовъ, и отъ того мало подвергался ихъ изслѣдованію, то и эти послѣдніе трактаты, не имѣя возможности опереться на какіе либо выводы, полученные прежними изыскателями Русскихъ древностей и исторіи нашего образованія, имѣютъ интересъ только, какъ попытки къ объясненію того, что такъ важно для исторіи нашего развитія. Это происходитъ отъ того, что ученые воспользовались далеко не всѣмъ, что предлагаетъ намъ наша древняя письменность и что хранится еще по разнымъ бібліотекамъ въ неизданныхъ, но почти всѣмъ доступныхъ, рукописяхъ, ожидающихъ нашей разработки. Конечно, матеріалы эти не такъ богаты, чтобы по нимъ можно было надѣяться отчетливо уяснить и способы нашего обученія и методъ, и даже объемъ его; однако, если бы мы по возможности воспользовались всѣмъ, что намъ доступно, то свѣдѣнія наши относительно образованія до-Петровской Руси были бы не такъ скудны, какъ въ настоящую пору. Основываясь большею частію на однихъ догадкахъ, тогда какъ, съ небольшими усиліями, можно было бы найти и положительные факты касательно тогдашняго обученія юношества, одни изъ изыскателей ограничиваютъ объемъ этого обученія чтеніемъ Часословца

и Псалтыри, другіе, напротивъ, мало-мало не заставляють дѣтей до-Монгольской Руси изучать философію во всѣхъ ея метафизическихъ тонкостяхъ. Разумѣется, и то и другое — крайность, происходящая отъ того, что изыскатели упустили изъ виду одно обстоятельство, именно: они не хотѣли обратить должнаго вниманія на памятники нашей древней письменности, которая одна въ состояніи рѣшить недоумѣнія и привести насъ, хотя немного ближе, къ истинѣ, чѣмъ всѣ простыя догадки.

Въ настоящее время я имѣю возможность пользоваться нѣсколькими драгоценными памятниками нашей письменности XVII-го вѣка, которые еще нигдѣ не были ни напечатаны, ни упомянуты, и которые могутъ служить къ объясненію многихъ интересныхъ сторонъ древней Русской педагогики. Матеріалы эти заключаются въ пространной рукописи, носящей названіе «Азбуковникъ а» и вмѣщающей въ себѣ нѣсколько разныхъ учебниковъ того времени, сочиненныхъ какимъ-то «первоостранникомъ», и отчасти списанныхъ имъ съ другимъ тогдашнихъ жеданій, которыя всѣ озаглавлены тѣмъ же именемъ, хотя и различны по содержанию и имѣютъ особенный счетъ листовъ.¹ Въ нихъ нѣтъ собственно азбукъ, букварей, тѣхъ первоначальныхъ учебниковъ; въ которыхъ помѣщались — весь алфавитъ, потомъ склады и слова поучительныя съ чтеніемъ нѣкоторыхъ молитвъ; но Азбуковники эти заключаютъ въ себѣ, по видимому, руководства къ чтенію для дѣтей, уже отчасти грамотныхъ, и руководства для самихъ учителей. Въ нихъ находятся даже правила для учащихъ и учащихся, что въ наше время обыкновенно входитъ въ кругъ «Уставовъ объ училищахъ»; за тѣмъ въ нихъ помѣщены въ образцы сочиненія писемъ, посланій къ высшимъ лицамъ и благодѣтелямъ, что теперь мы можемъ найти въ нашихъ образцовыхъ письменникахъ.

Одна половина этого Азбуковника, имѣющая особенный счетъ листовъ, имѣетъ и свое предисловіе и оглавленіе статей, въ ней помѣщенныхъ. Предисловіе это довольно оригинально и заключаетъ въ себѣ отъ первой до послѣдней строки панегирикъ розгѣ, которою будто бы самъ Духъ Святой велитъ бить дѣтище; въ немъ есть

¹ Рукопись эту довѣрилъ мнѣ Преосвященнѣйшій Аванасій, Епископъ Саратовскій, которому считаю долгомъ свидѣтельствовать глубокую признательность за его великодушное снисхожденіе. Я пользуюсь этими матеріалами, на сколько она могутъ служить поясненіемъ предмета; взятаго цѣлью моея статьи.

даже призываніе благословенія Божія на тѣ лѣса, которые родятъ добрыя розги, и, по мнѣнію сочинителя Азбуковника, самая лучшая розга «черемховая двоюгѣтная» для малыхъ дѣтей, а для болѣе взрослыхъ березовая; по его же словамъ, одна розга ведетъ дѣтей правильнымъ путемъ до неба. Впрочемъ, для интересующихся предметомъ, мы позволяемъ себѣ выписать все это обращеніе къ розгѣ, написанное стихами. Вотъ оно:

«Въ предисловіи мѣсто сіе полагаемъ.
 Розгою Духъ Святый дѣтище быти ведить,
 Розга убо ниже мало здравія вредить.
 Розга разумъ во главу дѣтемъ вгоняетъ,
 Учить молитвѣ и злыхъ всѣхъ встѣгаетъ.
 Розга родителямъ послушны дѣти творить,
 Розга Божественнаго писанія учить.
 Розга аще и бьетъ, но не ломить, кости,
 А дѣтище отставляетъ отъ всякія злости.
 Розгою аще отецъ и мати часто бьютъ дѣтище свое,
 Избавляють душу его отъ всякаго грѣха.
 Розга учить дѣлати вся присно ради хлѣба,
 Розга дѣти ведетъ правильнымъ путемъ до неба.
 Розга убо всякимъ добротамъ научаетъ,
 Розга и злыхъ дѣтей въ преоблагя претворяетъ.
 Розгою отецъ и мати еже дѣтище не бьютъ,
 Удаву на нью его скоро увьютъ.
 Вразуми, Боже; матери и учителя,
 Розгою малыхъ дѣтей быти ранители.
 Благослови, Боже, оныя лѣса,
 Иже розги добрыя родятъ на долгія времена.
 Малымъ дѣтемъ розга черемховая двоюгѣтная,
 Сверстнымъ же березовая къ воумленію,
 Черемховая же къ страхованію ученія,
 Старымъ же дубовый жезлъ къ подкрѣпленію.
 Младъ бо безъ розги не можетъ ся воумити,
 Старый же безъ жезла не можетъ ходити.
 Аще ли же безъ розги изъ млада возрастется,
 Старости не достигъ, удебъ скончится.»

Подобное обращеніе къ розгѣ очень обыкновенно въ нашихъ старинныхъ учебникахъ. Въ печатной азбукѣ 1679 года находится такое же увѣщаніе о пользѣ наказанія, гдѣ говорится, что розга умъ остритъ, возбуждаетъ память и вообще исправляетъ «глупыхъ» и лѣнливыхъ дѣтей; между прочимъ увѣщаніе это говоритъ къ дѣтямъ:

«Цѣлуйте розгу, бить и жезлъ любайте:
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте!»¹

Вообще надо замѣтить, что наша древняя педагогія считала необходимымъ на первой разъ показывать себя дѣтямъ съ такой стороны, которая и пріохотила бы ихъ къ учению и въ то же время вложила бы въ сердце ихъ страхъ наказанія за лѣность и нерадѣніе, и рѣдкое предисловіе учебной книги оставалось безъ этой обыкновенной угрозы, хотя самое обученіе не было такъ сурово и жестоко, какъ нѣкоторые предполагаютъ, основываясь на однихъ этихъ увѣщаніяхъ. А увѣщанія были дѣйствительно суровы. Такъ, этотъ же самый Азбуковникъ, предисловіе котораго приведено нами выше, въ самомъ первомъ отдѣлѣ, передъ началомъ алфавита, озаглавливается слѣдующими словами: «Школьное благочиніе, всеспасительное ученіе:»

«Хотящимъ Божественныхъ книгъ навикати,
Умомъ и сердцемъ прилѣжно внимати,
Должно есть всѣмъ сіе сохраняти,
Учителево приказаніе опасно соблюдати.
Не покаяющимся полагаемъ клевету —
Учителевъ ремень плетной.»

Послѣ этого заглавія, которое все написано киноварью, слѣдуетъ стихотворное наставленіе, обращающее къ дѣтямъ слѣдующую рѣчь:

«Младоумный и маловозрастный отроцѣ,
Въ дѣтскихъ глумленіяхъ борзо скачѣ:
Въ сердца своемъ скрый словеса сія,
Да насладится сердце твое беседы сея;
Еще азъ тебѣ хошу сказати,
Тебе младаго отрока во благое наказати:
Малая моя словеса присно внимай,
Ты же ими ко исправленію ся взмай,
И добрѣ сохраняй.»

Содержаніе самихъ Азбуковниковъ соотвѣтствуетъ характеру тогдашняго образованія, нося на себѣ печать нравственно религіознаго направленія ума нашихъ предковъ. Но это содержаніе само по себѣ драгоцѣнно для насъ многими указаніями на способъ обученія юно-

¹ Статя г. Забѣлина: «Домашній бытъ Русскихъ Царей». VII, От. Зап. за 1854 г. N. 12, Отд. II, стр. 99, 100.

пества, школьную дисциплину, на порядки, какіе были заведены въ тогдашнихъ Русскихъ училищахъ; въ немъ мы находимъ, хотя безъ системы и разбросанными по разнымъ учебникамъ, правила для учащихся, наставленія, какъ вести себя дома, въ училищѣ, въ церкви и на улицѣ, и, наконецъ, указанія на тѣ школьные обычаи, которые существовали у нашихъ предковъ, нѣкоторые сохранились еще и до настоящаго времени.

Прежде всего я постараюсь собрать, сколько могу, разбѣянные въ этихъ Азбуковникахъ указанія на тотъ порядокъ, которому слѣдовали педагоги тогдашняго времени въ наученіи дѣтей книжному разумѣнію, и на правила, которыми руководствовались они, слѣдуя больше принятому обычаю и примѣру своихъ предшественниковъ и не имѣя законныхъ постановленій (какъ это существуетъ теперь), на которыхъ бы могли основать школьную дисциплину.

Самое первое, что мы видимъ при чтеніи Азбуковниковъ, это существованіе отдѣльныхъ училищъ, особыхъ домовъ, гдѣ собиралось Русское юношество для наученія «книжному дѣлу.» Были ли для этого устроены особенныя зданія на общественный счетъ, или на частномъ иждивеніи, или мѣстомъ обученія были дома и квартиры самихъ наставниковъ, положительно этого мы рѣшить не смѣемъ; но что дѣти собирались въ извѣстномъ домѣ, въ училищѣ, и занимались тамъ ученіемъ до вечера или до вечеренъ, потому расходились по домамъ, это достовѣрно и доказывается очень многими мѣстами Азбуковниковъ. Впрочемъ, въ опредѣленіи Стоглава постановлено быть училищамъ при домахъ духовныхъ лицъ. Не рѣшаемся утверждать также и того, чтобы дѣти, во все время своего обученія, находились безотлучно въ самыхъ зданіяхъ училищъ¹; можетъ быть, это было прежде, но въ XVII вѣкѣ этого не было, или, по крайней мѣрѣ, существовали и такія училища, въ которыхъ дѣти не жили постоянно, какъ въ пансіонахъ, а приходили изъ дому утромъ и послѣ обѣда, находясь въ остальное время при родителяхъ. Этому мы найдемъ нѣсколько подтвержденій въ нашихъ же Азбуковникахъ. Важное свидѣтельство читаемъ мы въ нихъ относительно того, въ какихъ слояхъ Русскаго общества было распространено, если не образованіе, приличное тому времени, то, по крайней мѣрѣ, гра-

¹ О древне-Русскихъ училищахъ, Н. Лавровскаго. Харьковъ, 1854, стр. 105, 107.

мотность. Въ одномъ азбуковникѣ, сама мудрость, поучая юноше-ство и совѣтуя родителямъ всѣхъ состояній и званій, даже земледѣльцамъ, отдавать своихъ дѣтей въ наученіе къ ней, «прехитрой словесницѣ», говорить между прочимъ: «сего ради присно глаголю и глаголю непрестану людямъ благочестивымъ во слышаніе, всякаго чина же и сана, славнымъ и худороднымъ, богатымъ и убогимъ, даже и до послѣднихъ земледѣльцевъ, да своя неискусозлюбныя дѣти на таковое славословіе всеильнаго Бога и благоразумное ученіе владутъ; не оскорбляйтесь убо, ниже печаль си имѣютъ о невѣжествующихъ и грубородныхъ отроковъ, но и сихъ удобъ отдавайте.» Конечно, по этимъ словамъ мы не можемъ еще судить и дѣлать приговоръ о распространеніи грамотности между поселянами (этимъ нельзя еще и теперь похвалиться); но что такое явленіе считалось уже возможнымъ въ то время, въ нашей старой Руси, это неоспоримо. Впрочемъ, намъ довольно и того, если мы знаемъ, что въ школахъ до-Петровской Руси могло обучаться юношество всякаго состоянія и всѣхъ сословіій, начиная отъ знати до самыхъ послѣднихъ земледѣльцевъ.

Весь день, по правиламъ Азбуковниковъ, распредѣленъ былъ для дѣтей слѣдующимъ образомъ. (Не надо забывать, что правила эти были въ самихъ учебникахъ и выучивались дѣтьми при упражненіяхъ въ чтеніи):

«Въ дому своемъ, отъ сна встань, умыйся,
 Прилучившагося плата краемъ добръ утрися,
 Въ поклоненіи святымъ образомъ продолжися,
 Отцу и матери низко поклонися.
 Въ школу тщательно иди,
 И товарища своего веди,
 Въ школу съ молитвою входи,
 Тако же и вонъ исходи.»

Въ другомъ Азбуковникѣ эти же самыя правила выражены нѣсколько иначе, съ указаніемъ на то, что въ заграничныхъ училищахъ приняты другіе школьные обычаи, но что у насъ, «въ Словенороссіи сіе зазорно мнится.» Все же остальное почти до-словно сходно съ правилами перваго Азбуковника, только написано не стихами, а прозой, какъ весь этотъ Азбуковникъ. «Прилѣпляю-щійся мнѣ, глаголетъ мудрость, и ищущій отъ мене благаго разума, въ домѣхъ своихъ рано встаютъ, и умывся, образу Божію нижай-

шимъ поклоненіемъ съ продолженіемъ да поклонится, и у рождшихъ благословеніе испросивъ, утренюеть ко мнѣ, си есть порану ко учителю приходитъ... Въ храмъ учителей, си есть въ школу, съ молитвою благоискусно да входиши и, по нижайшихъ образу Божію поклоненіихъ, учителю достожднымъ нижайшимъ поклоненіемъ и дружинѣ твоей обычно да поклонишися, и за мя любезную тобою мудрость пріимися, и изученное проглаголати не спѣшно потщися. Аще нѣцыи и въ навечерій во время вечерняго пѣнія говорити повелѣвають и тако расходитися и о семъ писаніе повѣствуетъ, яко во иностранныхъ мѣстахъ тако творится, у насъ же въ Словеноросіи сіе зазорно мнится».

Это значить, что уроки прослушивались въ обычное время утромъ, такъ что, сказавъ старый урокъ ученикъ принимался за изученіе «новаго стиха» до самаго «вечерняго пѣснопѣнія», съ тѣмъ, чтобъ назавтра знать выученное и утромъ сказать его учителю. Все это расположено было такъ, съ той цѣлью, чтобъ вечеромъ можно было ученикамъ итти къ вечерни, чего въ иностранныхъ школахъ не соблюдали. Далѣе продолжаетъ: «Егда же дойдеши, его же учиши стиха, подобаетъ тебѣ, любезный мой, прежде, предъ образомъ Божіимъ ставъ, помолитися молитвою сею: «Господи Исусе Христе Боже нашъ, содѣтелю всея твари, вразуми мя и научи книжнаго писанія, и симъ увѣмъ хотѣнія твоя, яко да славлю тя во вѣки вѣковъ аминь.» И поклонився трижды съ молитвою Исусовою, начинай стихъ тихо, а не борзяся.»

Собравшись въ школу и сказавъ учителю прежде выученные уроки, юношество начинало учиться. При этомъ, конечно, произносились всѣмъ классомъ общія молитвы за успѣхъ ученія, съ соблюденіемъ тѣхъ требованій, которыя помѣщены въ Азбуковникахъ:

«Молитвы ваши со, умѣреннымъ гласомъ купно да бываютъ,
Кривчаніе же и вересканіе позы и умиленія отнюдь не подавають.»

Каждый ученикъ потомъ занималъ назначенное ему мѣсто, причемъ, какъ видно, садилась по достоинству, т. е., каждый занималъ мѣсто, указанное ему дидаскаломъ. Относительно поведенія во время классовъ, въ Азбуковникахъ находимъ слѣдующія правила и увѣщанія:

«Малія въ васъ и величьи вси равни,
Ученій же ради вѣдшихъ мѣстохъ да будутъ знатни.»

Далѣ, въ другомъ мѣстѣ:

«Не погѣняй мѣстомъ ближняго твоего,
И не называй прозвищемъ товарища своего.»

Или:

«Тѣснотою другъ ко другу не согнѣтайтеса,
Коглѣнами и лядвѣями не присвойтеса.»

Въ другомъ мѣстѣ:

«Данное тебѣ учителемъ кое мѣсто,
Ту житіе твое да будетъ вмѣстно;
Дружняго мѣста не восхищай,
И товарищевъ своихъ не утѣняй.»

Тѣ же самыя совѣты даетъ «Мудрость» юношеству въ другомъ Азбуковникѣ. Сказавши учителю свой урокъ и прочитавъ молитву, которую мы видѣли выше, ученикъ долженъ былъ сѣсть на свое мѣсто и поступать такъ, какъ совѣтуетъ «Мудрость»: «Во дружинѣ твоей и братіи смиренъ буди и благоискусенъ во всемъ, не праздно-слови, не смѣйся, очима не намизай, ниже озирайся сѣмо и овамо, яко изумленный; ближняго не уничижи и не утѣсни; полумименемъ, паче же прозваніемъ, никого не называй.»

По нѣкоторымъ отрывкамъ, разсѣяннымъ безъ всякой связи въ этихъ учебникахъ, можно видѣть, какъ строго наблюдалось, чтобъ ученики вели себя благопристойно и въ школѣ и внѣ школы; правила благопристойности и простаго приличія мѣшались здѣсь съ правилами нравственными. Хотя трудно привести въ систему эти отрывки, однако мы постараемся выписать ихъ въ возможномъ порядкѣ. Касательно поведенія учениковъ въ школѣ и вообще наблюденія за ихъ поступками и нравственностью, находимъ слѣдующія увѣщанія:

«Въ школу съ молитвою входи,
Тако же и вонъ исходи;
Въ школу добрую рѣчь вноси,
Изъ нея же словеснаго сору не возноси.
Въ домъ отходя, школьныхъ бытностей не кажи,
Сему и всякаго товарища своего накажи.»

Въ другомъ мѣстѣ:

«Доброты ближняго страсть не зри,
И близъ едавъ другаго не спи.»

Духомъ смраднымъ никто же изъ васъ да зловонитъ,
 Таковая отъ того страсть бѣниемъ ся да отгонитъ.
 Данный урокъ кѣждо васъ изучивъ,
 И, изъ школы исходя, отъ учителя прощеніе получивъ,
 Двери школы, входѣй и исходяй,
 Тихо и благоискусно отвори и затвори.
 Деннаго ли урока кто не изучитъ,
 Таковой отъ бѣниа свободы не получитъ.»

Надо замѣтить, что два Азбуковника, совершенно различныя, и по содержанію и по формѣ, въ отношеніи правилъ о нравственности и наставленій къ учащимся, совершенно сходны между собою. Въ самомъ дѣлѣ, что въ одномъ изъ нихъ говорилось касательно поведенія учащихся дома, то же самое сказано и въ другомъ; потому, какъ въ прозаическомъ Азбуковникѣ учащіеся предостерегаются отъ разныхъ неприличныхъ поступковъ, именно, чтобъ не тѣсниться къ товарищамъ, глазами «не намизать», не давать товарищамъ клочекъ, такъ точно и въ рѣмованномъ Азбуковникѣ находимъ это же самое, только выраженное другими словами:

«Егда кто ближняго будетъ назирати
 И очима своимъа страстнѣ намизати,
 Ему же бѣніе будетъ нещадно,
 Да инымъ къ тому будетъ не повадно.»

Или:

«Не потѣсняй мѣстомъ ближняго твоего,
 И не называй прозвищемъ товарища своего.»

На счетъ обращенія съ книгами, въ рѣмованномъ Азбуковникѣ говорится къ ученикамъ, чтобы они, «замкнувъ» книгу, всегда клали ее печатью кверху и не оставляли бы въ ней указки, которая называется здѣсь «указательнымъ древцомъ»; чтобъ книгъ не бросали на скамейкахъ, а отдавали бы ихъ «старостѣ» (старшій въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ), который долженъ класть ихъ въ назначенное мѣсто; чтобъ ученики не очень разгибали книги и безъ дѣла не перелистывали бы ихъ; чтобъ не забавлялись книжными украшеніями, «паволоками», а старались бы понять написанное въ нихъ.

«Книги ваши добре храните
 И опасно на мѣсто свое кладите;
 Книгу, замкнувъ, печатью къ высотѣ полагай,